

УДК 94 (47)

DOI: 10.15393/j14.art.2023.183

EDN: HXJADL

Статья

Овчинникова Елизавета Владимировна

Петрозаводский государственный университет
Институт истории, политических и социальных наук
Кафедра зарубежной истории
Студент-бакалавр 4 года обучения

Научный руководитель:
Суслова Евгения Дмитриевна

Петрозаводский государственный университет
Специалист Гуманитарного инновационного парка;
Институт истории, политических и социальных наук
Доцент кафедры зарубежной истории,
Кандидат исторических наук

Православные приходы Кексгольмского лена в 1617—1656 гг.: обзор историографии

Аннотация. Статья посвящена осмыслению выдвинутых историками мнений и концепций о статусе православных приходов в Кексгольмском лене Шведского королевства с момента подписания Столбовского мирного договора 1617 г., в соответствии с которым Корельский уезд Российского государства был передан Швеции, и до начала Российско-шведской войны 1656—1658 гг. Изучение проблемы в историографии основано на выявлении конкретных действий и суждений отдельных церковных иерархов и светских властей по вопросам возведения и ремонта молитвенных зданий, восполнения числа священнослужителей, распространения вероучительной и богослужебной литературы. Хотя в литературе не сложилось общепринятого мнения о политике властей двух стран в отношении православных карельских приходов, однако историки убеждены в том, что позиция с обеих сторон отличалась двойственностью. Ситуация, по мнению исследователей, определялась конкретной внешнеполитической обстановкой и зависела от того, кто именно занимал пост генерал-губернатора Выборгской провинции и/или епископа Выборга. Уделяя преимущественное внимание объяснению мотивов проводимой Швецией и Россией в шведско-карельском приграничье религиозной политики и выделению этапов её трансформации, авторы практически не касались собственно истории локальных православных приходов.

Ключевые слова: Корельский уезд; Кексгольмский лен; церковный приход; приграничье; религиозная политика; Русская Православная Церковь; Лютеранская Церковь; XVII век.

Введение

История православных приходов Корельского уезда в XVII столетии, когда с подписанием Столбовского мирного договора в 1617 г. уезд стал частью Шведского государства, привлекает пристальное внимание ученых. Опираясь на шведские архивные материалы, Я. К. Грот в 1853 г. одним из первых поставил вопрос о религиозной политике шведской короны в Ингерманландии и Кексгольмском лене [3] (рис. 1). Спустя три года И. А. Чистович дал оценку конфессиональной политике Швеции в Северо-Западном Приладожье в широкой хронологической перспективе — между подписанием Ореховского мира в 1323 г. до заключения в 1721 г. Ништадтского мира [27]. Документы о пропаганде лютеранской веры в первой половине XVII века в российско-шведском приграничье опубликовал в 1897 г. К. И. Якубов [28] (рис. 2). Вопрос о состоянии церковно-приходской жизни в Ингерманландии и Кексгольмском лене стал предметом рассмотрения М. Ф. Архангельского. В опубликованном в 1871 г. труде ученый выявил наиболее значимые мероприятия, предпринятые российскими и шведскими властями в отношении православия [1].

В свою очередь, А. Петров сфокусировал внимание на исследовании положения православных приходов шведско-карельского приграничья в контексте религиозно-политического противостояния Швеции и России в XVII веке [16]. На основе имевшихся историко-статистических данных, автор установил количество лютеранских кирок, возведенных в Кексгольмском лене на протяжении более чем столетия — между 1617 и 1721 гг. Опираясь на достижения финляндских исследователей, В. П. Крохин в 1908 г., также обобщая сведения о храмах, выявил количество православных церквей и лютеранских кирок в Кексгольмском лене в 1630—1700 гг. Кроме того, ученый выделил комплекс социально-экономических и политических мер шведских властей, направленных против православного населения [11].

Авторы-составители коллективного труда, опубликованного в 1910 г. под заглавием «Историческая записка о положении православия в Финляндской Карелии», рассмотрели историю православия в регионе с 1527 г. — начала «мучительного периода гонений за веру» — до 1710 г. — падения могущества

Рис. 1. Яков Карлович Грот (1812—1893), профессор Императорского Александровского университета, портрет кисти Йохана Кёлера 1899 г. [35]

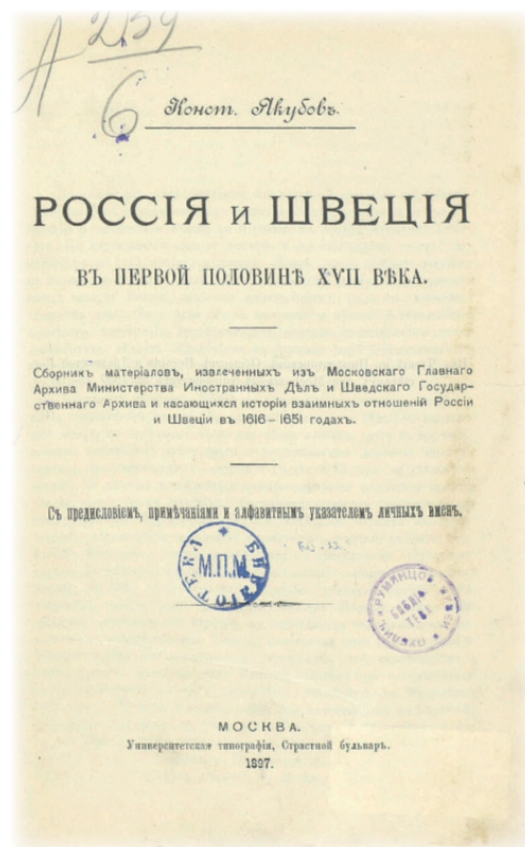

Рис. 2. Обложка сборника документов Константина Ивановича Якубова [28]

Швеции [8]. В 1910 г. увидели свет работы финляндских историков — Й. Салениуса (*J. Salenius*) и Л. Пелконена (*L. Pelkonen*). Й. Салениус поставил и выявил с опорой на материалы Государственного архива Финляндии общее количество действовавших православных храмов и лютеранских кирок в Корельском уезде в первые десятилетия после его захвата Швецией [33]. Предметом изучения Л. Пелконена стал вопрос о лютеранизации Кексгольмского лена после заключения Столбовского мира.

В середине XX века ученые Р. Б. Мюллер (1947 г.) и А. С. Жербин (1956 г.), обращаясь к вопросам о массовом бегстве населения из Кексгольмского лена в Россию и роли российских властей в судьбах православных подданных Швеции, так или иначе остановились на религиозном аспекте противостояния России и Швеции [14; 5].

На современном этапе ученые обратились к изучению истории локальных сообществ и поставили вопрос о том, как характер взаимоотношений России и Швеции повлиял на состояние религиозной жизни в крае. В частности, посвятив исследование истории деревни Импилахти (*Impilahti*) в XIV — начале XX века, финляндский исследователь П. Копонен (*P. Koponen*) (1982 г.) кратко описал, как здесь развивалась церковная жизнь в XVII веке [29: 35]. Привлекая материалы шведских земельных регистров, Х. Киркинен (*H. Kirkinen*) (1998 г.) подсчитал количество православных церквей в Кексгольмском лене и оценил политику шведских властей в отношении карельского приграничья после 1617 г. [9]. Шведский исследователь М. Мёрнер в статье, опубликованной в 2007 г., выявил особенности управления Швецией завоеванными в 1617 г. округами (графствами) Кексгольма и Ингрии [13] (рис. 3). В 2015 г. финляндский историк А. Куяла выяснил, какое место занимал религиозный фактор во взаимоотношениях шведского правительства и подданных Кексгольмского лена [12].

Рис. 3. Кексгольмский лен
в XVII веке [35: 758]

Российский исследователь А. П. Дмитриев обобщил опубликованные к началу 2000-х гг. сведения по истории православных карельских приходов Северо-Западного Приладожья с открытия Корельской и Орешской (Копорской) епархии в 1595 г. до закрытия Кексгольмской и Ладожской епархии в 1764 г. [4]. Принципы шведской политики в отношении православного населения завоеванных по Столбовскому миру земель рассмотрел А. В. Толстиков в статьях, увидевших свет в 2004 и 2017 гг. [20; 21; 22]. М. И. Петрова описала историю православного Кирьяжского (Куркиёкского) прихода и охарактеризовала ситуацию в карельских приходах, оказавшихся под властью Швеции [17]. Значимое место в исследовании русско-шведских отношений в карельском приграничье в XVII веке следует отвести работам А. И. Чепеля (2009, 2010, 2013). Исследуя взаимоотношения населения и администрации Кексгольмского лена, А. И. Чепель коснулся вопроса о межконфессиональных противоречиях в пограничье [23; 24, 25]. К. С. Жуков посвятил статью (2014 г.) изучению позиции московских властей по отношению к православным жителям, оставшимся на отошедших к Швеции землях — в Ингрии и Карелии [7]. Осмысляя последствия Столбовского договора, А. Б. Гехт (2014 г.) выявил результаты религиозной политики Швеции в Ингерманландии и Кексгольмском лене [2]. Восстанавливая недостающие звенья в родословной крестьян Якушевых и уверенно выявляя родоначальника среди карелов Кирьяжского погоста, И. А. Чернякова (2020 г.) подытожила комплекс причин, обусловивших факт массового бегства крестьян из Кексгольмского лена в Россию [26].

Издание более трех десятков работ, в которых так или иначе осмысляется религиозная ситуация в Кексгольмском лене Шведского государства в XVII веке, ставит историков перед необходимостью обобщения накопленного опыта изучения проблемы. Проведение подобного исследования позволит выявить вопросы, остающиеся дискуссионными и требующие дальнейшего изучения. В данной статье внимание сосредоточено на выявлении основных мнений и оценок историков о состоянии православных приходов бывшего Корельского уезда с момента заключения Столбовского мирного договора в 1617 г. до окончания Русско-шведской войны 1656—1658 гг.

Вопрос о количестве православных церквей и лютеранских кирок

Исследователи сходятся во мнении, что система церковных православных приходов в крае хотя и не была разрушена, но серьезно пострадала в годы шведской интервенции: многие храмы оказались разорены. М. Ф. Архангельский отмечал, что монастыри и церкви, стоявшие на земле, отошедшей к Швеции, к концу 1610-х гг., либо *лежали в совершенном запустении*, либо вскоре после 1617 г. были обращены в общественные здания и лютеранские кирки [1: 26]. Исследователь указал, что с вхождением Корельского уезда в состав Швеции правительство раздало погосты-округа *разным баронам* и распределило по губернаторствам, то есть была разрушена архаичная природа прихода, ранее совпадавшего с определенной административно-территориальной единицей — погостом (волостью) [1: 26].

Распространение лютеранства, по мнению А. Петрова, было связано с сокращением православного и увеличением лютеранского населения в период между Столбовским и Ништадтским (1721 г.) мирными договорами, также как политикой возведения лютеранских кирок на месте православных храмов [16]. Обращаясь к историко-статистическим сведениям, исследователь выявил, что Саккульская лютеранская кирка появилась на месте Саккульской православной церкви Михаила Архангела; Раутусская — на месте Раутусской церкви Василия Великого, Пюгярвская — в усадьбе опустошенного шведами Коневского монастыря [16]. Автор установил факт возведения на территории лена еще шести кирок — Лемболовской, Валкиярвской, Мольской, Матокской, Токсовской и Келтушской, хотя не указал точные даты

их появления. Исследователь заключил, что положение православной церкви в Швеции было *во всех отношениях ниже положения церкви лютеранской* [16].

Первые лютеранские приходы, подчеркнул финляндский историк-краевед Й. Салениус, носили старые погостские наименования [33: 237]. Исследователь Х. Киркинен отметил, что к середине XVII столетия во всех административно-территориальных единицах Кексгольмского лена возникли лютеранские церковные общины, формирование которых началось в западной части лена и затем распространилось в восточной и северной его частях [9: 109]. Активное возведение лютеранских кирок, по мнению современного финляндского историка А. Куяла, происходило в 1630-е гг. и продолжилось в конце 1650-х гг. после русско-шведской войны 1656—1658 гг. [12].

Ученые произвели подсчеты действовавших на территории бывшего Корельского уезда православных церквей и лютеранских кирок. Й. Салениус, обращаясь к шведским архивным документам, установил, что в 1630 г. в Кексгольмском лене было 48 православных церквей и часовен, при которых несли служение 17 священников и дьяконов и 8 лютеранских кирок, при которых состояли шесть пасторов [11: 588]. В. П. Крохин привел список 19 лютеранских общин (каждая из которых, без сомнения, имела хотя бы одну кирку), основанных до середины 1650-х гг. на территории Кексгольмского лена. В их число исследователь включил общины в Липери (1630 г.), в Рауту и Пюхьярви (1631 г.), в Хитоле, Кезялахти, Пелкъярви и Китесе (1637 г.), в Яаккиме, Куркиёки, Париккале, Имбилахте (1638 г.), Сердоболе, Салми, Пиеллиясъярви (1639 г.), в Ряйсяле (1642 г.), Тохмаярви и Каави (1650 г.), Нурмесе (1651 г.) и Иломанси (1653 г.) [11: 592].

Согласно подсчетам Х. Киркинена, основанным на анализе Поземельной книги 1618 г., в захваченном шведами Корельском уезде насчитывалось *тринадцать церковных и столько же деревенских (часовенских приходов)* [9: 108]. При этом ученый подчеркнул, что *к кризису середины столетия* — вероятно, подразумевая начало русско-шведской войны 1656—1658 гг. — количество храмов в Северо-Западном Приладожье сократилось вдвое. Их насчитывалось всего 13, после чего *произошло крушение* [9: 109]. И. В. Петров и М. И. Петрова подчеркнули, что сохранять православные церкви и часовни в некоторых деревнях удавалось благодаря православным подданным, которые, сохраняя верность вероисповеданию, перешли на службу шведских властей и получили от короны во владение землю [15].

Дискуссия о начале ужесточения религиозной политики Швеции

Суждения историков о времени обращения Швеции к жесткой религиозной политике расходятся. Я. К. Грот заметил, что еще до заключения Столбовского мира король Густав Адольф (1611—1632 гг.) приказал склонять русских *посредством увещеваний* оставлять православные обряды, противоречащие лютеранской вере [3: 11]. На факте угнетения православных с целью их обращения в лютеранство сразу после Столбовского мира настаивал М. Ф. Архангельский, добавляя, что с этого времени православная церковь в крае значительно *оскудела* [1: 28].

Иного мнения придерживался И. А. Чистович. Ученый обратил внимание на отсутствие свидетельств, на основании которых можно судить об *открытых* притеснениях в вере и *усильных* стремлениях шведов обращать православных карелов в лютеранство в первое десятилетие после Столбовского мира [27: 69]. В то же время, автор подчеркнул, что при короле Густаве II Адольфе (1611—1632 гг.) уже действовали *тайные меры*, направленные против православия. К их числу автор отнес открытие типографии в Стокгольме для печатания лютеранских богослужебных книг, а также учреждение *особых наград* для тех шведских пасторов, которые будут вести проповеди на русском языке [27: 69]. Мнение И. А. Чистовича разде-

лял К. И. Якубов. По мнению автора, вслед за подписанием Столбовского мира Швеция для *успокоения и московского правительства, и самих православных* официально уверяла своих новых подданных в том, что намерена покровительствовать православия, однако в действительности тайно издавались указы о *вытеснении православия* [28: 4].

Авторы коллективного труда «Историческая записка о положении православия в Финляндской Карелии» полагали, что шведское правительство *обуздало свою ревность* в отношении православных подданных к 1633 г. [9]. Ослабление прежде жесткого курса в отношении православия, по мнению историков, было связано с активным сопротивлением карелов назначению лютеранских пасторов в их приходы. В то же время, С. И. Кочкуркина выразила мысль о том, что карелы изначально не сопротивлялись лютеранскому гнету, поскольку при отсутствии активной поддержки московских властей *помощи ждать было неоткуда* [10: 111]. Исследовательница пришла к выводу, что после Столбовского мира *ни о каком активном сопротивлении карел шведам не могло идти и речи* [10: 111].

А. П. Дмитриев полагает, что религиозное *давление* на православное население проявилось только спустя десятилетие после заключения мира в Столбово, то есть после 1627 г. [4]. С точки зрения автора, в эти годы в Кексгольмском лене не было *открытых притеснений в вере* и шведское правительство не выражало *явного стремления к тотальной «лютеранизации»* [4].

Вопрос о причинах трансформации религиозной политики Швеции

Влияние эпохи Реформации. Историки отмечают, что на религиозную политику шведской короны значительное влияние оказала эпоха Реформации и противостояния католической и протестантской церквей. С точки зрения авторов-составителей коллективного труда «Православная церковь в Финляндии», шведские власти были вынуждены действовать в отношении Православия *мягко и осторожно*, поскольку, вследствие подъема *вражды католичества и протестантизма*, Европа *внимательно следила за шведско-русскими отношениями* [18: 21]. Внешне проявляя мягкость и демонстрируя *открытое дружеское расположение*, Швеция, по мнению авторов-составителей, *ловкими мерами* начала обращать православных жителей Кексгольмского лена в лютеранство и разрабатывала *тайные меры протестантской пропаганды* [18: 21]. Соглашается с высказанным мнением А. П. Дмитриев, подчеркивая, что внешне выражая *благосклонность к чужой вере*, шведская корона стремилась использовать этот шаг и укрепить *нравственный авторитет государства* [4].

Мотивы экономического характера. В XX в. историки выдвинули тезис о том, что ужесточение религиозной политики Швеции было связано в значимой степени с необходимостью материального обеспечения открывавшихся в Кексгольмском лене лютеранских приходов. Л. Пелконен отметил, что, рассматривая Кексгольмский уезд как периферию, шведские чиновники подвергли карельских православных крестьян, руководствуясь «предвзятостью» и собственными интересами, чрезмерному налоговому гнету [32: 27]. Старейшая исследовательница истории Карелии Р. Б. Мюллер заключила, что попытки шведов насадить протестантство исходили из их стремления заставить православное население, которое составляло большинство, участвовать в содержании лютеранских приходов и пасторов [14: 98].

Православие как фактор политической неблагонадежности в приграничье. Ученые подчеркивают, что ужесточение религиозной политики Швецией следует также объяснять идентификацией православного карельского населения, проживавшего в приграничье, как политически неблагонадежного. Так, А. Петров отметил, что соседство населения Кексгольмского лена с православной Россией не могло не побуждать шведов обратиться к жесткой религиоз-

ной политике [16]. Исследователь указал на обеспокоенность шведских властей тем, что православные карелы сохраняли тесные связи с Россией и потому не могли находиться «в полной зависимости от лютеранского правительства» [16].

Мысль о том, что религиозные гонения на православных стали частью *национального угнетения* карелов подчеркнули Р. Б. Мюллер и А. С. Жербин. В частности, по мнению А. С. Жербина, гонения следует рассматривать как часть *национального угнетения карельского народа шведскими феодалами* [5]. В свою очередь, Р. Б. Мюллер отметила, что православие в условиях жестких гонений стало для карелов *знаменем*, борьба за которое отождествлялась с *национальной борьбой с иноземцами* [14: 99].

Православное население Кексгольмского уезда, отметил Х. Киркинен, было признано *политически неблагонадежным*, а потому его следовало *приобщить* к королевству посредством *истинной лютеранской веры* [9: 108]. Шведы считали православное население «*пятой колонной*» русских, которая, по мнению А. Куяла, являлась *большой проблемой* для лютеранского государства [12: 27].

Причиной недоверия шведских властей к православному населению, по мнению А. Б. Гехта, было объединение в православной вере этнически отличного от шведов народа [2: 56]. Ученый полагает, что это обстоятельство позволяло карелам не только *противопоставлять* себя оккупантам на основе различия вер, но и надеяться на помощь от единой России [2: 56]. По мнению А. Ю. Жукова, противостояние России и Швеции в русско-шведском приграничье после Столбовского мира (1617 г.) приобрело религиозный окрас, поскольку наряду с понятием *рубежа веры* граница приобрела значение *охраны веры* [6].

Нахождение православного населения под юрисдикцией лютеранского государства, по мнению А. А. Селина, осложнило ситуацию в русско-шведском приграничье, поскольку в XVI—XVII вв. господствовало представление об единстве подданства и конфессии, а следовательно, и православие *автоматически обозначало для них московское подданство* [19]. Высказанная мысль нашла развитие в работах А. В. Толстикова. По мнению автора, *монополия лютеранского вероисповедания* нарушалась наличием православных церквей в лютеранском государстве, что, с точки зрения шведских властей, означало *изъясн в государственном теле* [22: 132]. Исследователь уточняет, что политический смысл русско-шведской границы смыкался с религиозным, поскольку на этой территории проживало *моноконфессиональное население* [20: 150]. По мнению автора, *православность* населения, находившегося в подданстве лютеранского монарха, в России, в свою очередь, *могла ставиться под вопрос* [21].

Изменение государственной границы, подчеркнул А. И. Чепель, вряд ли могло изменить отношение новых подданных Швеции к России [24: 133]. Карелы по-прежнему полагали, что *православный — значит, подданный русского царя*, что, по убеждению исследователя, обеспечивало российским властям *более выгодное положение в борьбе за население приграничных областей* [24: 133]. Благодаря сохранившимся родственным и религиозным связям карельского населения новая русско-шведская граница, констатирует исследователь, оказывалась *во многом... иллюзорной* [24: 134].

О сущности религиозной политики шведов в приграничье

По мнению историков, Швеция предприняла целый комплекс мер в отношении православного населения Кексгольмского лена. В первую очередь, ученые обращают внимание на учреждение русской типографии в Стокгольме в 1625 г. С точки зрения Я. К. Грота, типография была создана королем Густавом II Адольфом (1611—1632 гг.), чтобы *печатать и распространять между православными жителями Карелии и Ингерманландии лютеранские духовные*

книги, частью в русском переводе, а частью и на финском языке, но все же напечатанные славянскими буквами с целью наставлять жителей в лютеранском учении [3: 12]. Деятельность типографии продолжалась до 1683 г., так как в обнаруженной ученым королевской резолюции, датированной указанным годом, было зафиксировано, что *вследствие разных обстоятельств* типография *подвергалась расстройству и уничтожению* [3: 12]. Исследователь отметил, что при королеве Христине (1632—1654 гг.) в типографии увидели свет пособия для изучения *русского языка, для споспешествования торговле*, финский катехизис с *славянскими литерами* и, кроме того, планировалось издать русско-шведский словарь [3: 12].

Результаты предпринятых шведской короной усилий по печатанию лютеранского катехизиса получили неоднозначную оценку. Так, Я. К. Грот подчеркнул, что финский катехизис со славянскими буквами вскоре был введен в православных приходах, находившихся под управлением генерал-губернатора графа Браге (1637—1640; 1648—1654 гг.) [3: 14]. И. А. Чистович был уверен в том, что попытки шведов издавать богослужебную православную литературу шведскими буквами остались *без успеха* [27: 70]. По мнению А. П. Дмитриева, учреждение типографии стало основой для *миссионерской пропаганды* [4].

Особое внимание историки уделяют вопросу о порядке назначения священников в приходы. Вскоре после Столбовского мира шведское правительство обратилось в Москву с ходатайством о назначении православных священнослужителей из Новгорода, однако, как подчеркнул К. И. Якубов, подобные меры были предприняты исключительно с целью *успокоения и московского правительства, и самих православных* [28: 4]. Уже в 1622 г., как установил Т. Лайтила (T. Laitila), Густав II Адольф (1611—1632 гг.) издал инструкции, согласно которым в случае смерти православного священника предписывалось заменить его кем-нибудь из числа местных православных или иноверных жителей. По мнению автора, введение подобного требования предполагало возможность избрания на эту должность лютеранина [31: 9]. Последовавшее вскоре распоряжение Густава II Адольфа (1611—1632 гг.) о запрете назначения православных священнослужителей в приходы Кексгольмского лена следует рассматривать, с точки зрения А. Куяла, как попытку короля искоренить *связи* местного православного духовенства, которое до этого могло пополняться выходцами из России, с *русским соседом* [12: 27].

В 1639 г. подданные Ингерманландии и Кексгольмского лена испрашивали у шведских властей дозволения на поиски иерарха в Белоруссии или Константинополе, поскольку православных священнослужителей в приходах по-прежнему не хватало [3: 13]. Оценивая указанный факт, Я. К. Грот подчеркнул, что так как для королевы Христины (1632—1654 гг.) *было унизительно позволить искать епископа или священников вне шведских владений*, она передала право назначения православных священников лютеранскому суперинтенданту [3: 13]. Мнение Я. К. Грота разделили авторы «Исторической записки о положении православия в Финляндской Карелии». С их точки зрения, шведское правительство само *побуждало* православных к поискам митрополита в Константинополе, который мог бы рукополагать во священники шведских подданных, однако карелы предпочли *остаться в единении с Новгородом* [8]. В достоверности сведений о подаче православными жителями приграничного региона Шведского королевства какого-либо прошения о поиске для них православного церковного иерарха за рубежом усомнился И. А. Чистович. Ученый заметил, что в отечественных источниках не нашлось ни одного упоминания об этом факте [27: 70].

Подчинение в церковном отношении православного населения Ингерманландии и Кексгольмского лена лютеранскому суперинтенданту в правление королевы Христины (1632—1634 гг.), по мнению исследователей, сыграло негативную роль в судьбах православных приходов. Так, Я. К. Грот указывал, что нарвский суперинтендант получил право назначать выбранных

жителями лена православных священников при условии, что кандидаты, *выдержав экзамен*, принесут присягу на верность шведскому правительству в Стокгольме [3: 14]. Повышение роли суперинтенданта в религиозной жизни Кексгольмского лена, заключил М. Ф. Архангельский, стало *самой резкой и самой действительной* мерой в деле обращения православных в лютеранство [1: 29]. К. С. Жуков подчеркнул, что наделение суперинтенданта правом назначать православных священников *еще более углубляло противоречия* между карелами и новгородскими церковными владыками, поскольку возведенные в сан лютеранскими иерархами православные священнослужители *не могли быть признаны Русской православной церковью* [7].

Особое место в дискуссии занимает вопрос о роли генерал-губернаторов Финляндии и епископов Выборга, которые должны были проводить в жизнь принятые королевской властью решения. По мнению авторов «Исторической записки о положении Православия в Финляндской Карелии», генерал-губернатор Финляндии граф Пер Браге (1637—1644 гг.; 1648—1654 гг.) и епископ Бьюг (1642—1656 гг.) были *особенными ревнителями по совращению православных* [8]. По мнению исследователей, *народ возненавидел* графа Браге за намерение обучать православных лютеранским богослужебным книгам и навязчивую идею установить в Карелии и Ингерманландии автокефальное церковное управление [8]. На правление генерал-губернатора графа Браге (1637—1644 гг.; 1648—1654 гг.), уверенно полагал В. П. Крохин, приходится ужесточение мер по отношению к православному населению. Так, в 1630 г. Густав II Адольф (1611—1632 гг.) распорядился назначить в каждую православную общину пастора, содержание которого частично компенсировалось оброками с православного населения [11: 591]. В. П. Крохин также отметил, что в 1640 г. в Кексгольме были открыты лютеранские школы для православных детей [11: 591]. Уже с 1635 г. шведы обязали православное население Кексгольмского лена участвовать в возведении лютеранских кирок, а также, как подчеркнул А. Куяла, *пытались принудить* православных к совершению церковных обрядов по лютеранским канонам [12: 27]. Автор убежден, что граф Браге (1637—1644 гг.; 1648—1654 гг.) стремился создать *вторую государственную церковь*, которая посредством проповедей на финском языке могла бы обратить православных жителей в лютеранство [12: 28]. В то же время, А. Куяла отнюдь не однозначно оценил деятельность шведских властей. С его точки зрения, меры прямого принуждения использовались только поначалу. Впоследствии генерал-губернатор *немного смягчил религиозную политику*, назначая православным священникам денежные награды за проповедь лютеранского катехизиса [12: 28]. Чтобы лишить карелов возможности *жаловаться на свое угнетение из-за приверженности к православию*, отмечает В. П. Крохин, шведы не предоставили населению Кексгольмского лена права посылать депутатов в сейм [11: 589].

Современный российский исследователь А. И. Чепель рассматривает религиозную политику шведской администрации на захваченных карельских землях как двойственную [25: 403]. По мнению автора, шведы, обращая православное население в лютеранство *путем проповеди и предоставления льгот*, не прибегали к проведению *суровых мер против православной обрядности* [25: 403].

О последствиях религиозной политики шведов

Исследователи выявили целый перечень мер, свидетельствующих о жесткой религиозной политике Швеции. Тем не менее, в историографии неоднозначно оцениваются ее последствия. Так, Я. К. Грот утверждал, что меры шведского правительства по обращению православных в лютеранскую веру к середине XVII столетия оказались бесплодны, поскольку жители Кексгольмского лена *во всем продолжали следовать русским обычаям* [3: 14]. Авторы

«Исторической записки о положении Православия в Финляндской Карелии» подчеркнули, что *лютеранская пропаганда двигалась медленно* и отнюдь не отличалась последовательностью. Исследователи, в частности, указывают на то, что в этот период были обращены в православие некоторые переселившиеся в Кексгольмский лен лютеране [8]. По мнению авторов-составителей, все попытки *сращения в лютеранство пропали даром* [8]. Мнение предшественников разделил А. С. Жербин. Ученый утверждал, что стремление шведских властей *уничтожить православие* ни к чему не привело, поскольку карелы видели в вере *единственное средство сохранить связи с Россией* [5].

Другие исследователи, напротив, подчеркнули некоторую успешность религиозной политики Швеции. А. Петров пришел к заключению, что попытки шведов обратить православных карел в лютеранство *вели к избранной цели с большим успехом* [16]. С точки зрения исследователя, предпринятые Швецией меры отличались систематичностью: в регионе *не осталось бы ни одного православного*, если бы эти территории не были завоеваны Россией в ходе Северной войны 1700—1721 гг. [16]. Отмечая на случаи перехода православных в лютеранство, автор подчеркивает, что они *были редки* и религиозная политика шведов имела *свое действие на чад православной церкви* [16]. Подчеркивая, что священнослужители зачастую *соблазнялись предлагаемыми наградами*, В.П. Крохин предположил, что наиболее успешными оказались меры, направленные на обращение в лютеранство православного духовенства [11: 590].

Зарубежные исследователи разделяют мнение о том, что проводимая шведскими властями в отношении православного населения окраин религиозная политика потерпела неудачу. Так, Й. Салениус пришел к выводу, что усилия шведов по лютеранизации православного населения Кексгольмского лена оказались *безуспешными*. Автор подчеркнул, что только небольшая часть православных карелов перешла в лютеранство, в то время как остальные предпочли бежать в Россию [33: 236]. Оставшиеся под шведским владычеством православные карелы были вынуждены выстраивать взаимоотношения с пришлым лютеранским населением [33: 236].

Причинами безуспешности религиозной политики шведов, по мнению А. Пелконен, стала *неуступчивость* и *необдуманные действия* шведского правительства, которое желало обратить православных в лютеранство как можно быстрее, что провоцировало сопротивление крестьян и их бегство на русскую сторону [32: 25]. Автор подчеркнул при этом, что внутри локальных сообществ конфессиональный вопрос не стоял так остро, как на высшем политическом уровне. Так, исследователь приводит интересный факт о том, что в 1642 г. лютеране помогли православным в возведении приходского дома в Сортавале [32: 73]. Мнение А. Пелконена разделяет П. Лаасонен (P. Laasonen). Историк указывает, что лютеране также оказывали помощь православным в возведении храмов [30: 73] (рис. 4).

Вопрос об отношении России к православным подданным Швеции

Среди исследователей не сложилось какой-либо одной точки зрения на вопрос об отношении российских светских и церковных властей к своим бывшим православным подданным. Особое внимание историки уделяют осмыслению причин, обусловивших для России необходимость участия в судьбах православных жителей ее исконных земель, волею судеб отошедших к Швеции. Так, В. П. Крохин был убежден, что Россия не теряла *надежды на возможность возврата Приладожской Карелии*, а потому оказывала всяческую поддержку православным жителям Кексгольмского лена [11: 594]. Р. Б. Мюллер обратила внимание на то, что политика России была обоснована не столько религиозными, сколько социально-экономическими причинами, поскольку власти были *очень заинтересованы в новых тяглецах* [14: 99].

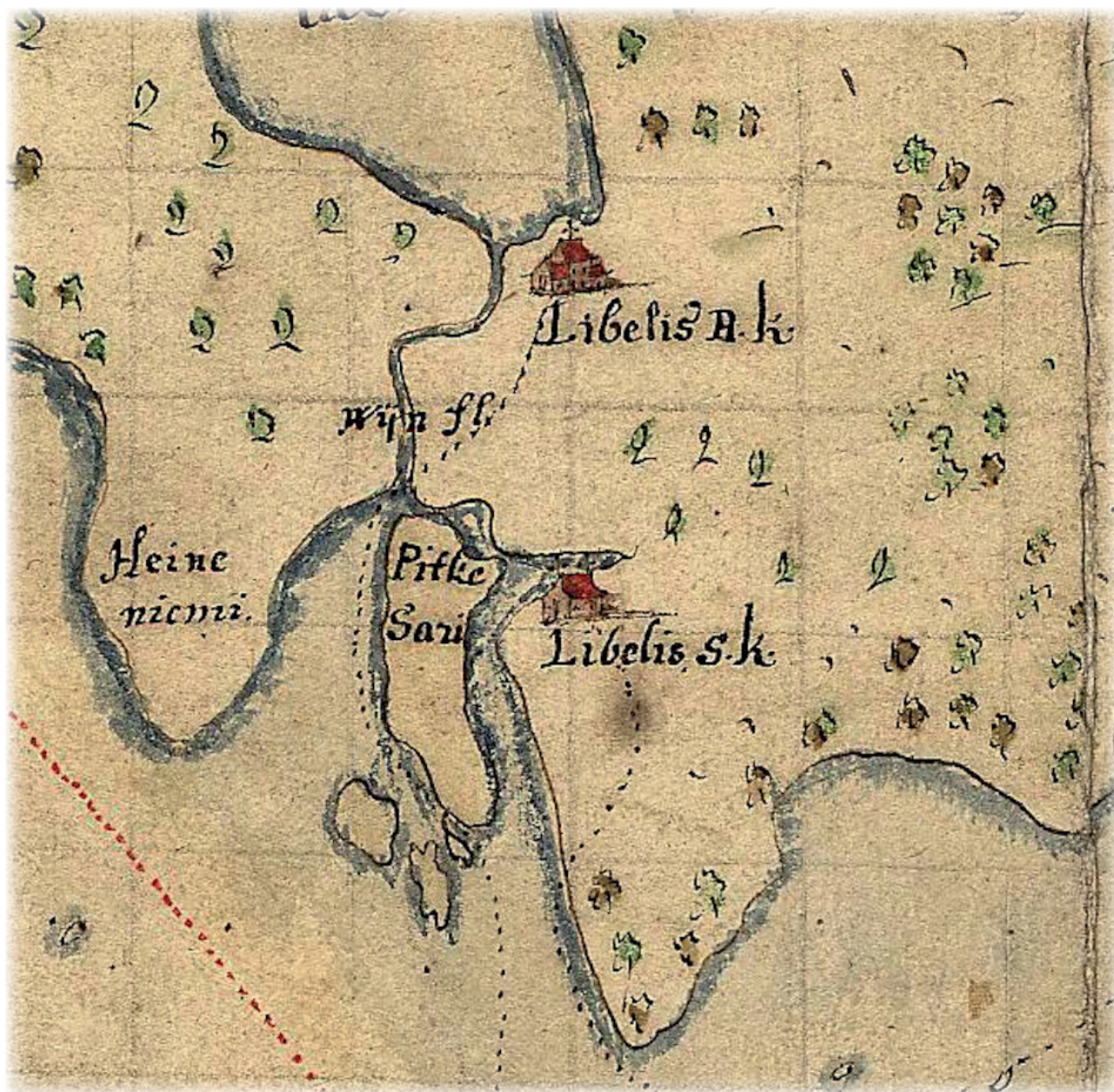

Рис. 4. Изображение русской церкви и лютеранской кирки на погосте в погосте Липери
(фрагмент карты Э. Уттера, 1649—1650 гг. [34])

Историки полагают, что напряженная обстановка в русско-шведском приграничье нередко становилась результатом необдуманных мер российских светских и церковных властей. Так, А. И. Чепель с уверенностью заявляет, что ситуацию *накаляли с русской стороны*, поскольку нахождение *значительного числа православных под юрисдикцией лютеранского государства*, общение с которым *гибельно для души православного русского человека*, воспринималось не только как политическое, но и идейное поражение [25: 402]. Ученый доказывает, что российские власти *зорко следили за соблюдением условий Столбовского мирного договора*, так как любое нарушение давало *дополнительный козырь в руки русской стороны* и позволяло оказывать сопротивление притеснениям православной веры на уступленных Швеции землях [25: 402]. С этим мнением согласен К. С. Жуков, который подчеркнул, что российское правительство *стремилось использовать с выгодой сложившиеся обстоятельства в надежде заполучить союзников в тылу у потенциального противника* [7].

Особое место в трудах историков занимает вопрос о сущности мер, предпринятых Россией в отношении православного населения шведско-карельского приграничья. Первостепенное внимание уделено оценке позиции московских патриархов и новгородских владык. Некоторые исследователи высоко оценивают роль новгородского митрополита Макария (1619—1626 гг.), принимавшего активные шаги для поддержания церковного общения православных карелов с Московской патриархией. Так, И. А. Чистович указывал, что в 1619 г. владыка обнародовал грамоту, в которой призывал карел к *общению с Православной церковью* и разрешил православному духовенству Кексгольмского лена *ходить за исправлением церковных нужд* к новгородскому митрополиту [27: 68]. Кроме того, в 1622 г. по ходатайству жителей Иломанского погоста с благословения патриарха Филарета и повеления Михаила Федоровича Романова (1613—1645 гг.) митрополиту Макарию (1619—1626 гг.) было разрешено давать благословение приходским общинам Кексгольмского лена на возведение новых церквей на месте разрушенных или обветшавших храмов, а также посылать *людей испытанной веры и жизни* — священников и дьяконов, привозивших с собой русские богослужебные книги [27: 68] (рис. 5).

*Изображение русской церкви на погосте в Иломанси
(фрагмент карты Э. Уттера, 1649—1650 гг. [34])*

И. А. Чистович пришел к выводу, что русские иерархи показывали *полную заботливость об этой малой церкви*, наблюдая за тем, чтобы православные подданные Швеции придерживались *чистоты восточного исповедания* и не терпели *никакой нужды от недостатка храмов и учителей* [27: 65]. М. Ф. Архангельский, в свою очередь, был убежден, что предпринятые московскими властями и Русской Православной Церковью меры хотя и *поддерживали Православие* в Северо-Западном Приладожье, однако *не могли принести ему надлежащей пользы* [1: 27].

Позиция новгородских иерархов, по мнению А. И. Чепеля, не отличалась последовательностью. Так, первоначально православные карелы оказались отвергнуты новгородским духовенством, несмотря на полученное согласно мирному договору 1617 г. право посещения Великого Новгорода по религиозным надобностям [25: 402]. В 1618 г. новгородский митрополит Исидор (1603—1619 гг.) *пытался надавить на священнослужителей, проклинал, обвинял*

в нерешительности, называл «отметчиками», поскольку те, как считал владыка, оставшись в Швеции, не содействовали бегству православной паствы в Россию [23: 33]. По мнению историка, создавая невыносимый психологический климат для пребывавших за рубежом представителей духовенства, новгородский владыка стремился использовать тесную духовную связь прихожан и священников с целью бегства православных карелов на российскую сторону [23: 33]. А. И. Чепель убежден, что такие призывы не только противоречили статьям Столбовского мира, но и обостряли напряженность, недоверие в отношениях митрополии и зарубежного духовенства и, как следствие, приводили к утрате местными православными общинами связи с Русской Православной Церковью [25: 402].

Особую роль патриарха Филарета (1619—1633 гг.) в изменении отношения к православным карелам подчеркнул К. С. Жуков [7]. Исследователь полагает, что российские власти ожидали массового перехода православного населения в лютеранскую веру, поскольку сомневались в сохранении истинного православия среди жителей, сменивших русское подданство на шведское [8]. Тем не менее, с его точки зрения, патриарх Филарет Романов стремился заручиться поддержкой местного православного населения в условиях напряженной политической обстановки в русско-шведском приграничье [8].

Характер взаимоотношений новгородского митрополита и духовенства зарубежных приходов остается малоизученным. Как установил И. А. Чистович, общение владыки с клириками и паствой зарубежных приходов осуществлялось исключительно через посредничество российских и шведских властей [27: 69]. Исследователь особо подчеркивал, что такой неблагоприятный для христиан православного закона порядок вещей, установленный по соглашению правительств России и Швеции, действовал вплоть до окончания шведского владычества над карельскими землями в 1721 г. [27: 69]. Автор обратил внимание, что православные карелы Кексгольмского лена по чувству усердия к русской святыне прибывали в Новгород для посещения святых мест, что вскоре было регламентировано светскими властями [27: 72]. В частности, в 1629 г. царской грамотой новгородским воеводам Д. М. Пожарскому и М. Ф. Глебову предписывалось проверять богомольцев на границе на верность православию и не пристали ли они к лютеранской вере [27: 72].

По мнению А. П. Дмитриева, возможность паломничества в святые места Русской земли наряду с другими мерами российских властей демонстрировала светлую, казовую сторону взаимоотношений Швеции и ее православных подданных [4]. Граница между Россией и Швецией, по мнению А. В. Толстикова, рассматривалась как граница распространения православия, а потому зачастую прибывавшего из-за рубежа православного воспринимали подозрительным с точки зрения религиозной принадлежности [20: 148]. Церковные власти, по мнению автора, считали естественным, что православные должны проживать исключительно на территории, подвластной русскому царю [20: 148]. Это обстоятельство, по убеждению А. В. Толстикова, следует объяснять повсеместно распространенным в рассматриваемую эпоху фактом отсутствия разделения политики и религии, вследствие чего политическая граница оказывалась и религиозной [20: 148].

Проблема перебежчиков: религиозный аспект

Пристальное внимание историки уделяют вопросу о бегстве карелов из Швеции на территорию Российского государства. Переселение карелов, начавшееся задолго до 1617 г., активно продолжалось после заключения Столбовского мирного договора вплоть до заключения Кардисского мира (1661 г.) [5], [23: 31]. Подсчеты исследователей относительно количества бежавших разнятся. Исследователи XIX века — В. П. Крохин и финляндский историк Й. Салениус полагали, что в течение XVII столетия в Россию бежало не менее 10 тыс. семей православных

карелов [11: 595]. Сопоставив сведения из Переписной книги карел по Бежецкому Верху 1650 г., данные зарубежных историков (U. Karttunen) и царские грамоты, А. С. Жербин высказал предположение, что к 1650 г. число перебежчиков из Кексгольмского лена и Ингерманландии составляло не менее 25 тыс. человек [5]. Финляндский исследователь Х. Киркинен, проанализировав шведские налоговые книги, установил, что до начала русско-шведской войны 1656—1658 гг. из Кексгольмского лена в Россию ушло около 11 тыс. человек, в том числе 4 тысячи — из современной финляндской губернии Северная Карелия, пять тысяч — из Приладожской Карелии и две тысячи — *из Приграничной Карелии* [9: 129]. В новейшей историографии (А. Куяла) высказывается мнение, что с 1620 г. и до начала русско-шведской войны 1656—1658 гг. в Россию переселилось почти 15 тыс. православных жителей [12: 32]. Больше всего крестьян перебралось в Россию из южных районов Кексгольмского лена — Палкъярви, Салми, Сортавалы, Суйстамо, на что обращает внимание Т. Лайтила [31: 9].

В условиях запустения земель, как указал В. П. Крохин, корона щедро раздавала земли Кексгольмского лена шведским дворянам, *отчасти для содействия лютеранству* [11: 592]. Исследователь акцентировал внимание, что новые поселенцы из числа крестьян являлись беглыми рекрутами из других регионов Швеции и оседали в Кексгольмском лене, потому что карельские земли были освобождены от рекрутской повинности [11: 591].

К концу XVII века население Кексгольмского лена, за исключением некоторых восточных погостов, отметил А. Куяла, стало *полностью лютеранским* [12: 31]. Данные, однако, разнятся относительно тех или иных районов Кексгольмского лена. Так, П. Копонен утверждает, что в деревне Коккоселькя (*Kokkoselkä*) южного района Кексгольмского лена население оставалось преимущественно православным, в то время как в деревне Сумерия (*Sumeria*) — также находящейся на юге лена — находилось равное количество представителей обеих конфессий [29: 35].

Вопрос о причинах массового бегства православных жителей Кексгольмского лена на российскую сторону является предметом острой дискуссии. В XIX столетии ученые были убеждены, что главной причиной бегства было религиозное угнетение. При этом М. Ф. Архангельский утверждал, что в Россию чаще всего переходили священнослужители и инок, поскольку именно им приходилось терпеть наибольшие притеснения от шведского правительства, *чем кому другому* [1: 28]. Историк обратил внимание, что православная паства в массе своей предпочитала оставаться на родных землях, *терпеливо снося угнетения* [1: 28]. Тем не менее, финляндский исследователь Л. Пелконен отрицал факт какого-либо *религиозного мученичества* как причины бегства карелов через границу. Исследователь был убежден в том, что карелы, в хозяйственной деятельности которых особую роль играли промыслы, а не земледелие, просто *не были привязаны* к родным землям и потому, когда условия проживания становились некомфортными, с легкостью переходили в Россию [32: 28].

В XX столетии ученые обратили внимание на социально-экономические факторы бегства. В частности, Р. Б. Мюллер связала бегство православных, в первую очередь, с усилением налогового бремени [14: 98]. С мнением исследовательницы солидарен А. С. Жербин [5]. Корни бегства в Россию, с точки зрения последнего, следует видеть не только в *национальном и религиозно-культурном порабощении* карелов, подчеркнул автор, но и в установлении Швецией, которая рассматривала периферийные зоны *как свои колонии*, тяжелого налогового гнета [5]. Значительная часть православного населения Кексгольма, с точки зрения финляндского исследователя А. Куяла, бежала в Россию не только ввиду религиозных притеснений, но и по причине налогового гнета, ставшего нестерпимым в 1630—1640-е гг. вследствие неблагоприятных климатических условий и неурожаев, особенно чувствительно сказавшихся на хозяйстве крестьян северных районов Кексгольмского лена [12: 33].

Необходимость комплексного осмысления причин бегства крестьян в Россию подчеркнула И. А. Чернякова. Исследовательница указала на сопряженность массового бегства с религиозным давлением и усилением налогового бремени, усугубленного вступлением Швеции в Тридцатилетнюю войну (1630 г.), ухудшением климатических условий, а также фактами переманивания крестьян на российскую сторону [26: 103, 122].

Исследователи полагают, что Россия стремилась переманивать не только крестьян, но и православных священнослужителей. Например, как установил И. А. Чистович, в 1624 г. новгородскому воеводе Г. П. Ромодановскому была выдана тайная царская грамота с предписаниями не выдавать шведской стороне прибывавших из-за рубежа представителей духовенства, *теснимых иноземным правительством* [27: 72]. Российское государство, по мнению В. П. Крохина, *охотно принимало* бежавших из-под шведского подданства православных, *тяготевших к своим единоверцам*, и при этом игнорировало требования шведской стороны о возвращении перебежчиков [11: 593]. С точки зрения А. П. Дмитриева, российские власти относились к бывшим православным подданным *весьма сочувственно*, благоприятствуя их бегству на российскую сторону [4].

По мнению финляндского исследователя А. Куяла, подобными действиями Россия нарушала статьи Столбовского договора и проводила *бессовестную агитацию*, в то время как российские дворяне и монастыри *уговаривали православных*, оставшихся в Швеции, вернуться в Россию, временно обещая освободить их от налоговых выплат [12: 29—30]. Шведские власти, стремясь предотвратить бегство православного населения в Россию, с точки зрения М. Мёрнера, сумели добиться лишь *незначительных успехов*, в то время как попытки вернуть православных беглецов *были обречены на провал* [13: 82].

Выводы

Таким образом, в исторической литературе поставлены вопросы о количестве православных приходов и церквей в шведско-карельском приграничье в XVII столетии, о причинах, сущности и последствиях религиозной политики Швеции в приграничном регионе, об отношении России к православным подданным, волею судеб оказавшимся за рубежом, о поддержании церковного общения между православной паствой бывшего Корельского уезда и Московским патриархатом.

Историки сходятся во мнении, что к 1617 г. церковно-приходская система в регионе была разрушена. Многие православные церкви оказались уничтожены и на их месте началось возведение лютеранских кирок (Й. Салениус, В. П. Крохин, А. Петров, Х. Киркинен). Тем не менее, исследователи отмечают, что небольшое количество православных храмов и часовен в северной и восточной части бывшего Корельского уезда сохранилось. В них продолжались совершаться богослужения. Отдельные храмы — с разрешения властей и при содействии местного населения, в том числе пришлых лютеран, — удалось заново отстроить (А. Пелконен, Х. Киркинен, А. Лаасонен, И. А. Чистович, М. И. Петрова).

Конфессиональная политика Швеции по отношению к православным подданным Кексгольмского лена в первой половине XVII века получила неоднозначную оценку. Среди исследователей не сложилось общего мнения о том, была ли религиозная политика изначально жесткой (Я. К. Грот, М. Ф. Архангельский), стала нетерпимой только спустя десятилетие после подписания Столбовского мирного договора (1617 г.) (И. А. Чистович, А. П. Дмитриев), либо в конце 1630-х — начале 1640-х гг. (В. П. Крохин, авторы-составители «Исторической записки о положении Православия в Финляндской Карелии», П. Лаасонен, А. Куяла, М. И. Петрова).

Историки выделили целый комплекс мер жесткой религиозной политики Швеции в отношении православных подданных. В их числе — основание русской типографии в Стокгольме и издание лютеранских богослужебных книг на русском и финском языках для проведения масштабной миссионерской работы, передача суперинтенданту права назначения священников в православные приходы, принуждение православных подданных выплачивать церковную десятину в пользу лютеранской общины, открытое принуждение совершать обряды по лютеранским канонам, денежные поощрения лютеранским пасторам и русским священникам за проповедь лютеранского катехизиса среди православного карельского населения. Анализируя последствия предпринятых мер, исследователи уверены в том, что религиозная политика по обращению православного населения в лютеранскую веру потерпела крах (Я. К. Грот, И. А. Чистович, М. Ф. Архангельский, Л. Петров). Православные подданные шведской короны, отстаивая право на вероисповедание, находили поддержку со стороны российских властей и помощь в лице тех представителей местного локального сообщества, которые исповедовали лютеранство.

Значительно более действенной по насаждению лютеранства в регионе оказалась социально-экономическая политика, связанная с усилением налогового пресса, лишением жителей Кексгольмского лена права представительства в сейме и своеобразием решения вопроса о рекрутской повинности. В ситуации ужесточения религиозного и налогового гнета, совпавшего с эпохой неурожая середины 1630-х — начала 1640-х гг. и утверждением в должностях Выборского генерал-губернатора и епископа непримиримо настроенных к православию лиц, огромных масштабов достигло бегство православных подданных Швеции в Россию. Бегство совершалось при молчаливом согласии российских светских и духовных властей и нередко при содействии со стороны русских дворян и монастырей (М. Ф. Архангельский, А. И. Чепель, К. С. Жуков). Запустение земель бывшего Корельского уезда привело к переселению на них лютеран — выходцев из Швеции, искавших, в значительной степени, спасения от рекрутской повинности (В. П. Крохин, А. Пелконен, Т. Лайтила).

По мнению исследователей, ситуация проживания православных подданных в Шведском королевстве являлась двусмысленной и недопустимой для обеих сторон — как России, так и Швеции (А. А. Селин, А. Куяла, А. И. Чепель, А. В. Толстиков, К. С. Жуков). В эпоху раннего нового времени государство еще не было отделено от церкви, религия от политики, вследствие чего российские власти воспринимали православных, оставшихся в Швеции, как *отступников* и содействовали их бегству в Россию. В то же время, шведская администрация рассматривала православных подданных периферийной территории как политически неблагонадежных и стремилась к их лютеранизации. Однако, как убедительно показали историки, многое зависело от конкретной внешнеполитической обстановки и того, кто занимал ключевые должности генерал-губернатора и епископа Выборга.

Русская Православная Церковь при содействии светских властей предпринимала меры по укреплению православия в карельских землях, разрешая совершать паломничество православных карелов в Россию к святыням, содействуя возведению новых храмов и решению вопроса о пополнении причтов. Тем не менее, духовная жизнь паствы бывшего Корельского уезда оказалась без какого-либо действенного контроля и подвергалась постоянному давлению со стороны лютеранского епископа Выборга.

Таким образом, следует подытожить, что, несмотря на весомый вклад, который внесли историки в изучение проблемы, до сих пор отсутствуют комплексные исследования, которые максимально полно бы реконструировали историю православных приходов Кексгольмского лена. Остается неясным вопрос о том, как изменялось количество православных церквей и часовен

на протяжении XVII века, какие из них были возведены вновь, а какие продолжали лежать в руинах. Отсутствует перечень действовавших в 1617—1656 гг. православных церквей и часовен, также как список православных священников, стоявших во главе приходов. Остается неизученной внутренняя жизнь православных приходских общин — как изменялись и трансформировались унаследованные из прошлого традиции и практики, как складывались взаимоотношения с пастырями и возникавшими лютеранскими общинами. Осмысление всех указанных вопросов, безусловно, требует изучения проблемы на локальном уровне с привлечением архивных документов, однако позволит на новом уровне увидеть специфику жизни в российско-шведском карельском приграничье в эпоху раннего нового времени.

Источники

1. *Архангельский М. Ф.* История православной церкви в пределах нынешней Санкт-Петербургской епархии / М. Ф. Архангельский. — Санкт-Петербург : печ. В. Головина, 1871. — 298 с.
2. *Гехт А. Б.* Некоторые последствия Столбовского мирного договора для Швеции в 1617—1690-х гг. / А. Б. Гехт // Альманах современной науки и образования. — 2014. — № 8. — С. 55—60.
3. *Грот Я. К.* Известия о Петербургском крае до завоевания его Петром Великим / Я. К. Грот. — Санкт-Петербург, 1853. — 17 с.
4. *Дмитриев А. П.* История Корельской (Кексгольмской) епархии / А. П. Дмитриев // Вуокса : Приозерский краеведческий альманах. — Приозерск, 2001. — Вып. 2. — Текст: электронный. — [Окрестности Петербурга], [2000—2023]. — URL : <https://www.aroundspb.ru/history/template/eparh1.php> (дата обращения: 06.11.2023).
5. *Жербин А. С.* Переселение карел в Россию в XVII веке / А. С. Жербин. — Петрозаводск : Госиздат, 1956. — 79 с.
6. *Жуков А. Ю.* Русско-шведская граница 1621 г. в Карелии и ее значение в жизни карельского народа / А. Ю. Жуков // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. — 2017. — Вып. 2. — Текст : электронный // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. — [Петрозаводск], [2023]. — URL: <https://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=761> (дата обращения: 06.11.2023).
7. *Жуков К. С.* «Еретики и отметчики» (отношение московских властей к православным жителям земель, отошедших к Швеции по Столбовскому договору) / К. С. Жуков // Археологическое наследие Санкт-Петербурга. — 2014. — Вып. 4. — С. 76—93.
8. Историческая записка о положении православия в Финляндской Карелии: к 200-летию юбилею взятия Выборгской крепости и воссоединения Карелии с Православной Россией (14 июня 1710—1910). — Выборг : Выборгская типография, 1910. — 40 с.
9. История карельского народа : Сокр. авториз. пер. / отв. ред. И. А. Чернякова. — Петрозаводск, 1998. — 322 с.
10. *Кочкуркина С. И.* Корела и Русь / С. И. Кочкуркина — Ленинград : Наука, Ленинградское отделение, 1986. — 143 с.
11. *Крохин В. П.* История карел / В. П. Крохин // Русская старина. — 1908. — № 6. — С. 581—596.
12. Куяла А. Финляндия и Россия как страны-соседи с ранних эпох до 1772 года / А. Куяла // Русский сборник: исследования по истории России : сб. ст. — Т. XVII. Финляндия и Россия. — Москва : Модест Колеров, 2015. — С. 9—56.
13. *Мёрнер М.* Наследие Столбовского мира. Шведское правление в Ингрии/Кексгольме 1617—1704 гг. / М. Мёрнер // Северная война, Санкт-Петербург и Европа в первой четверти XVIII в. : Материалы международной научной конференции. — Санкт-Петербург, 2007. — С. 78—95.
14. *Мюллер Р. Б.* Очерки по истории Карелии в XVI—XVII вв. / Р. Б. Мюллер. — Петрозаводск : Государственное изд-во Карело-Финской ССР, 1947. — 175 с.
15. *Петров И. В.* Православные карелы Кирияжского погоста / И. В. Петров, М. И. Петрова. — Текст : электронный // Кирияж. — [Петрозаводск], [2023]. — URL: <http://www.kirjzh.spb.ru/history/775.htm> (дата обращения: 06.11.2023).

16. Петров А. Судьбы церкви в юго-восточной Финляндии / А. Петров // Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. — Санкт-Петербург : Изд. Санкт-Петербургского епархиального историко-статистического Комитета, 1875. — Вып. 1. — С. 3—271.
17. Петрова М. И. Демография Кирияжского погоста в период шведского завоевания в XVI—XVII веках / М. И. Петрова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. — 2018. — №5 (174). — С. 80—90.
18. Православная Церковь в Финляндии : Напечатано по распоряжению г. обер-прокурора Святейшего Синода. — Санкт-Петербург : Синодальная типография, 1893. — 113 с.
19. Селин А. А. Порубежное духовенство в 1-й пол. XVII в. / А. А. Селин. — Староладожский сборник. — Вып. 3. — Санкт-Петербург : Старая Ладога, 2000. — Текст : электронный // Библиотека Якова Кротова. — [2023]. — URL: http://yakov.works/library/18_s/el/lin_duhove.html (дата обращения: 06.11.2023).
20. Толстиков А. В. Религиозный аспект понимания политических границ в допетровской России (на примере российско-шведских отношений) / А. В. Толстиков // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. — 2017. — Вып. 8. — С. 145—164.
21. Толстиков А. В. Ритуальные аспекты маркирования российско-шведской границы в раннее новое время / А. В. Толстиков // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. — 2017. — Вып. 2. — Текст : электронный // Альманах северо-европейских и балтийских исследований. — [Петрозаводск], [2023]. — URL: https://nbsr.petrus.ru/journal/article.php?id=756#_ftn12 (дата обращения: 06.11.2023).
22. Толстиков А. В. Православное население Ингерманландии глазами шведской администрации: соотношение этнического и конфессионального аспектов (XVII в.) / А. В. Толстиков // XV конференция по изучению истории, экономики, языка и литературы Скандинавских стран и Финляндии: тезисы докладов. — Москва, 2004. — Ч. 1. — С. 132—134.
23. Чепель А. И. Проблема перебежчиков в русско-шведских отношениях: от Столбовского до Кардисского мира (по материалам архива Санкт-Петербургского института истории Российской академии наук) / А. И. Чепель // Проблемы истории, филологии, культуры. — 2009. — №4 (26). — С. 29—41.
24. Чепель А. И. Граница как иллюзия. Шведские власти в борьбе за население после Столбовского мира / А. И. Чепель // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. — 2010. — № 3. — С. 125—136.
25. Чепель А. И. Население и администрация шведско-русского приграничья после Столбовского мира : взаимодействие и противодействие / А. И. Чепель // Метаморфозы истории. — 2013. — № 4. — С. 383—405.
26. Чернякова И. А. Генеалогический этюд: что могут поведать налоговые документы XVI—XVII вв. исследователю фамильной истории? / И. А. Чернякова // Научный электронный журнал CARELiCA. — 2020. — № 1(23). — С. 92—129.
27. Чистович И. А. История Православной Церкви в Финляндии и Эстляндии, принадлежащих к Санкт-Петербургской губернии / И. А. Чистович. — Санкт-Петербург : типография Я. Трея, 1856. — 154 с.
28. Якубов К. И. Россия и Швеция в первой половине XVII века : Сборник материалов, извлеченных из Московского главного архива Министерства иностранных дел и шведского государственного архива и касающихся истории взаимоотношений России и Швеции в 1616—1651 гг. / К. И. Якубов. — Москва : Унив. тип., 1897. — 493 с.
29. Koponen P. Esi-Isiemme Impilahti / P. Koponen. — Impiranta-Säätiö, 1982. — 383 s.
30. Laasonen P. Novgorodin imu: miksi ortodoksit muuttivat Käkisalmen läänistä Venäjälle 1600-luvuilla? / P. Laasonen. — Helsinki : Suomalaisen Kirjallisuuden Seura, 2005. — 171 s.
31. Laitila T. Coercion, Cooperation, Conflicts and Contempt: Orthodox-Lutheran Relations in Swedish Occupied Kexholm County, Karelia, in the Seventeenth Century / T. Laitila // Entangled Religions. — 2020. — Vol. 11 (1). — P. 1—28.
32. Pelkonen L. Käkisalmen läänin luterilaistuttamisesta / L. Pelkonen // Karjala: karjalaisen osakunnan julkaisu. — Helsinki: Otava, 1910. — P. 12—30.

33. *Salenius J. M.* Kreikanusko Karjalassa / J. M. Salenius // Karjalan Kirja. — Porvoossa : Werner Soderstrom Osakeyhtio, 1910. — P. 237—248.
34. История Карелии XVI—XVII вв. в документах: Т. 2. Поземельная книга Кексгольмского лена 1637 г. / Ун-т Йоэнсуу ; Карельский научно-исследовательский ин-т ; [ред. колл. В. Салохеймо, А. Лайне, Х. Киркинен, П. Хакамиес ; ред. К. Катаяла, С. Хирвонен]. — Йоэнсуу, 1991. — 758 с.

Интернет-ресурсы

35. Грот Яков Карлович: портрет кисти Йохана Кёлера 1899 г. // Википедия. — [Россия], [2023]. — URL: [https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Grot_Yakov_Karlovich_\(by_Johann_K%C3%B6ler\).jpg](https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Grot_Yakov_Karlovich_(by_Johann_K%C3%B6ler).jpg). — (дата обращения: 10.11.2023).
36. *Utter E.* Geographisch affrijtning upå Kiäxholms lähn, 1649—1650. Riksarkivet: SE/RA/420571/02/1/0012:00001. Stockholm. Available at: <https://sok.riksarkivet.se/nad?postid=Arkis%20ef747aa4-9903-4864-9b61-4afc3709a79c> (accessed 06.07.2022).

Orthodox parishes of the Kexholm county in 1617—1656: a historiography review

Elizaveta V. Ovchinnikova

Petrozavodsk State University
Institute of History, Political and Social Sciences
Department of Foreign History
Bachelor student of the 4th year of study

Research Supervisor —
Associate Professor **Evgenia D. Suslova**
Petrozavodsk State University

Abstract: The article is devoted to the comprehension of opinions and concepts put forward by historians about the status of Orthodox parishes in the Kexholm county (län) of the Swedish kingdom from the moment of signing the Stolbovo Peace Treaty of 1617, according to which Korela county (uyezd) of the Russian state was transferred to Sweden, and until the beginning of the Russian-Swedish war of 1656—1658. The study of the problem in historiography is based on the identification of specific actions and judgments of individual church hierarchs and secular authorities on the issues of erecting and repairing prayer buildings, replenishing the number of clergymen, distribution of doctrinal and liturgical literature. Although there is no universally accepted opinion in the literature about the policy of the authorities of the two countries towards the Orthodox Karelian parishes, historians are convinced that the position of both sides was characterized by ambivalence. The situation, according to the researchers, was determined by the specific foreign policy situation and depended on who exactly held the post of governor-general of the Vyborg province and/or bishop of Vyborg. While the authors focused on explaining the motives behind the religious policy pursued by Sweden and Russia in the Swedish-Karelian borderland and highlighting the stages of its transformation, they practically did not touch upon the history of local Orthodox parishes.

Key words: *Korela county; Kexholm county; church parish; borderland; religious politics; Russian Orthodox Church; Lutheran Church; XVII century.*